

«ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ» ПОРТРЕТ В РУССКОЙ ЖИВОПИСИ XVIII В. КАК ТИП КОСТЮМИРОВАННОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ

ЧЕЖИНА Юлия Игоревна

кандидат искусствоведения

старший преподаватель кафедры истории русского искусства Института истории
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена анализу «этнографического» портрета в отечественном искусстве второй половины XVIII в. в контексте культурных тенденций эпохи – развития сентиментализма в России и моды на «пейзажизм». Рассматриваются истоки возникновения и отличительные черты подобных произведений, особенности образного строя. Затрагиваются также проблемы жанровой спецификации.

Ключевые слова: русское искусство XVIII в., живопись, костюмированный портрет, «этнографический» портрет, народный костюм, кокошник, сентиментализм.

Среди костюмированных портретов особую группу представляют женские образы в богатом русском национальном платье, как правило, с нарядным кокошником. О.С. Евангулова условно относит подобные произведения к типу «этнографического» портрета [3, с. 140]. Этот тип идеализированных портретов входит в моду в конце XVIII в.

Вероятно, на развитие данного рода живописи оказали влияние европейские веяния, выразившиеся в обращении художников к этнографическим образцам и фольклорным мотивам. Так, немецкий мастер Августин Дальштейн, рисовальщик и гравёр, работавший в России в середине века в течение нескольких лет, создал серию офортов «Костюмы московитов и разносчики Петербурга». Этот цикл листов явился эталоном «костюмных» этнографических произведений для российского изобразительного искусства [1, с. 56].

Француз Ж.-Б. Лепренс, приехавший в Россию в 1757 г., «решительно повернул «костюмный жанр» к русской теме, став автором графических серий «Костюмы разных национальностей» и «Костюмы женщин Московии» [1, с. 67].

Несмотря на то что подобные стилизованные русские национальные наряды широко использовались в качестве карнавальных костюмов, очевидно, указанный тип женского портрета не имеет непосредственной связи с маскарадом. Такого рода идеализированная модель была привычной для живописи разных жанров – от исторической до портретной. Особенно она характерна для последней трети XVIII в. и находится в прямой зависимости от веяний сентиментализма. При этом в самой форме идеализации содержится назидательность и прокламация национального и псевдокрестьянского как выражения исконной и чистой простоты.

В данном случае скорее выбор подобного платья для маскарада может объясняться популярностью некоего возвышенного образа «русской пастушки». «Портрет дочери Агашки в русском костюме» (1783, ГРМ) кисти Д.Г. Левицкого демонстрирует именно такой вариант, выполненный в академической манере [6, с. 146] (рисунок 1). Изображение единственной дочери художника отмечено ноткой сентиментальности и псевдонародного духа [2, с. 233].

Рисунок 1. Левицкий Д.Г. Портрет Агафии Дмитриевны (Агаши) Левицкой. 1783. ГРМ

По выражению Я.В. Брука, портрет Агаши «заключает в себе как бы программу модного вкуса, ищущего соединения изящества французской моды с «миловидностью» русского сельского наряда». Исследователь отмечает, что «живопись, вслед за салонной «народной песней», вводит в изображение сельских сцен оттенок игривости» [1, с. 220]. Женские образы в нарядных сарафанах и кокошниках приобретают некий налет пасторальности.

Авторское повторение портрета Агаши (1785, ГТГ) датируется годом ее свадьбы, и атрибуты – хлеб и соль на столе – могут быть увязаны именно с этим событием, по поводу которого, возможно, и писался портрет. Любопытно, что Д.Г. Левицкий, прошедший через увлечение голландской живописью, внес в картину ряд элементов, позаимствованных из жанровых полотен «малых» голландцев (например, бархатная скатерть с узором на столе), и некоторые чисто технические приемы и особенности колористического решения, которые придают произведе-

нию вид стилизации.

Девушка изображена в платье, являющемся вариацией на тему русского национального костюма с традиционным сарафаном, душегреей, белой рубашкой и кокошником, сшитыми из дорогих материалов – шелка, батиста, кружев. Это не подлинно народный костюм, а не лишенное кокетливости своего рода театральное или маскарадное одеяние, созданное по народным мотивам. Подобные наряды использовались на костюмированных балах богатыми аристократками и даже царственными особами. Известно, что Екатерина II участвовала в карнавалах, облачаясь в такое платье.

Сам идеализированный образ очаровательной «крестьянки», рождающийся благодаря «народному» костюму и сопоставимый с пасторальными пастушками, пользовался необычайной популярностью в высшем свете. Я.В. Брук акцентирует внимание на том, что конец XVIII столетия был отмечен «волной «фольклорных исканий». Увлечение подобны-

ми сюжетами нашло отражение и в сценическом искусстве. В период с 1786 по 1791 г. Екатерина II написала пять опер в «народном стиле». Вслед за императрицей дань моде отдали и другие представители аристократических кругов, например, Д.П. Горчаков и А.М. Белосельский-Белозерский, попробовавшие свои силы в сочинениях «в народном, простом вкусе» [1, с. 220].

Как указывалось выше, такого рода тематика, несомненно, была связана с направлением сентиментализма, а образы, несущие оттенок слащавости, ассоциируются с сентиментальными романами, получившими в

России в эту пору широкое распространение.

Миниатюрный портрет жены художника А.Х. Ритта Шарлотты Юлианы, урожденной Гизе (1798, ГЭ), демонстрирует тот же тип идеализированного изображения русской красавицы в сарафане и кокошнике [5, с. 71, кат. 72; 4, с. 38, ил. 5, кат. № 44] (рисунок 2). Творчество мастера, по наблюдению Г.Н. Комеловой, отмечено «чертами интимности и камерности, более эмоциональной передачей настроения и психологической характеристикой модели» [4, с. 24]. При этом «манера живого письма создает впечатление легкости и редкой непосредственности» [4, с. 27].

Рисунок 2. Ритт А.-Х. Портрет Шарлотты Ритт, жены художника. 1798. Кость, акварель, гуашь. ГЭ

Известны два портрета Екатерины II в том же духе: один – работы В. Эриксона – изображает самодержицу в виде русской боярыни в шугае (рисунок 3). В нем заметна стилизация деталей и условность представлений о

национальном костюме [6, с. 147]. Как уже говорилось, вряд ли возможно отнести перечисленные произведения, отмеченные близостью сентиментализму, к категории маскарадных.

**Рисунок 3. Неизвестный художник сер. XIX в.
Портрет Екатерины II в шугае и кокошнике (копия с оригинала В. Эриксона). ГЭ**

В то же время существует портрет Екатерины II в русском платье, принадлежащий кисти С. Торелли, где связь с маскарадом специально подчеркнута: императрица держит в руках обычную темную карнавальную маску [6, с. 147].

В «этнографическом» портрете, как и в других разновидностях костюмированного изображения, костюм становится одним из

средств создания художественного образа и способом преобразования модели в тот или иной персонаж. Еще одно средство, служащее ключом и подсказкой в расшифровке образа, – атрибуты, набор которых соответствует разработанному и принятому в данном обществе в определенный исторический момент комплексу аллегорических понятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брук Я.В. У истоков русского жанра: XVIII век. – М.: Искусство, 1990. – 264 с.
2. Гершензон-Чегодаева Н.М. Дмитрий Григорьевич Левицкий. – М.: Искусство, 1964. – 458 с.
3. Евангулова О.С. Изобразительное искусство в России первой четверти XVIII. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 294 с.
4. Комелова Г.Н. Августин Ритт – русский миниатюрист. 1765-1799. Жизнь и творчество. – СПб.: Славия, 2004. – 207 с.

5. Портретная миниатюра в России XVIII – начала XX веков из собрания Государственного Эрмитажа / авторы вступительной статьи и каталога Г.Н. Комелова и Г.А. Принцева. – Л.: Художник РСФСР, 1986. – 334 с.
6. Яблонская Т.В. Костюмированный портрет в системе жанров русской живописи XVIII в. // Советское искусствознание'76(2). – М.: Советский художник, 1977. – 408 с.

«ETHNOGRAPHIC» PORTRAIT IN RUSSIAN PAINTING OF THE 18th CENTURY AS A TYPE OF COSTUME IMAGE

CHEZHINA Iuliia Igorevna

Candidate of Art Criticism, Senior Lecturer of the Department of Russian Art
St Petersburg State University, Institute of History
St. Petersburg, Russia

The article is devoted to the analysis of the «ethnographic» portrait in Russian art of the second half of the 18th century in the context of the cultural trends of the era – the development of sentimentalism in Russia and the fashion for «peasantism». The author examines the origins and distinctive features of such works, as well as the specifics of their figurative structure. The issues of genre definition are also touched upon.

Keywords: Russian art of the 18th century, painting, costume portrait, «ethnographic» portrait, folk costume, kokoshnik, sentimentalism.